

Имя *Тукъ* может быть просто прозвищем ('сало', 'жир'); но не исключено и иноязычное происхождение, ср. *Туки* (из др.-сканд. *Tōki*) — имя варяга в ПВЛ [1068 и 1078]. Ср. также в НПК деревню *Туково* (IV: 273) и *Туковской* десяток (II: 710).

А 14. Грамота № 109 (стратигр. кон. XI – сер. 10-х гг. XII в., внестратигр. первое 20-летие XII в.; Нерев. Д)

грамота : штъ Жизномира : къ Микоуле :
 коутилъ еси : робоу : пльскове : а ныне ма :
 въ томъ : ала кънагъни : а ныне са друуѣ
 жина : по ма порочила : а ныне ка : посьѣ
 ли къ томуу : моужеви : грамотоу : ели
 оу него роба : а се ти хочоу : коне коутиѣ
 въ : и кънажъ моужъ въсадивъ : та на съѣ
 воды : а ты атче еси не възалъ коунъ :
 теухъ : а не емли : ничъто же оу него :

В конце 5-й строки в принципе можно усматривать как *е ли* 'есть ли', так и *ели* 'если'. После находки грамоты № 776, где встретилось *ѣли* (= *ели*) 'если', второе прочтение, по-видимому, следует признать предпочтительным. Здесь существенно то, что единственный бесспорный пример для 'есть ли' имеет вид *естъ ли* (*даи попытаи есте ли Мафеі оу манаstryри* 717), а в примерах с бесспорным *е* (скажем, *оце е тебе н[е] годена* 705) это *е* ведет себя как энклитика (см. § 3.31).

Перевод: 'Грамота от Жизномира к Микоуле. Ты купил рабыню во Пскове, и вот меня за это схватила (подразумевается: уличая в краже) княгиня. А потом за меня поручилась дружина. Так что пошли-ка к тому мужу грамоту, если рабыня у него. А я вот хочу, коней купив и посадив [на коня] княжеского мужа, [идти] на очные ставки. А ты, если [еще] не взял тех денег, не бери у него ничего'.

При чтении *е ли* (вместо *ели*) фраза о посылке грамоты понимается иначе: 'пошли к тому мужу грамоту: у него ли рабыня?' (*или*: 'пошли ... грамоту: есть ли у него [еще одна] рабыня?').

Отраженная в грамоте юридическая коллизия обсуждалась многими исследователями (см., в частности, Арциховский в НГБ III: 40–41, Черепнин 1969: 61–62, Факкани 1987: 130–135). Основное ее содержание ясно: рабыня, купленная Микоулой для Жизномира, оказалась краденой (или беглой). Предстоит предусмотренный для таких случаев Русской Правдой розыск вора с помощью последовательных очных ставок ("сводов"): последний владелец раба указывает продавца, тот — предыдущего продавца и т. д. до "конечного татя", т. е. до истинного вора.

В истолковании деталей, правда, комментаторы расходятся. Нам представляется достаточно правдоподобной следующая ситуация: Микоула уже запродавал рабыню некоему "мужу" X, и Жизномир требует от Микоулы послать этому мужу грамоту о новом повороте дела, если рабыня уже находится у X-а, и не брать с него за рабыню денег, если он их еще не взял. Но не исключены и другие варианты. В частности, как предполагает часть исследователей, речь могла идти не о той рабыне, которая была куплена, а об еще одной. Эта возможность определяется тем, что по Русской Правде в деле об украденном рабе нормальный розыск продолжался не до "конеч-

ного татя”, а лишь до третьего свода. Третий (по счету от конца) владелец раба должен был отдать истцу своего раба взамен украденного, а сам продолжать розыск, используя показания украденного раба, уже самостоятельно.

Часть комментаторов переводит *a se ti хочоу* как ‘а вот что я от тебя хочу’ (т. е. *ти* понимается не как частица, а как местоимение); соответственно, покупка коня и т. д. выступает как будущее действие Микулы, а не автора. С нашей точки зрения, понимание *ти хочоу* как ‘от тебя хочу’ не соответствует нормам употребления древнерусского *ти* ‘тебе’; кроме того, последующее *a ты*, столь уместное, если покупка коня и т. д. — действие автора, становится в этом случае труднообъяснимым.

В *коне коупивъ* словоформа *коне* одними комментаторами истолковывается как В. мн. ⟨*конѣ*⟩, другими как В. ед. ⟨*конь*⟩. Ныне мы считаем предпочтительным первое решение (не предполагающее никаких отклонений от графической системы грамоты); множ. число, очевидно, объясняется тем, что коня придется купить не только для княжего мужа, но и для его слуги или слуг, а возможно, и для себя.

В. А. Буров (1988) выдвинул предположение о том, что Микула, Петр и Коснятин, фигурирующие соответственно в грамотах № 109, 336 (Б 1), 241 (А 16), найденных на двух соседних усадьбах (Д и И) Неревского раскопа, — это исторические лица, а именно, посадник Микула и его сыновья Петрило (Петр) и Коснятин (Коснятин) Микулчичи (Микулиничичи), которые тоже были посадниками (указанное варьирование имен принадлежит самой летописи). Микула посадничал, вероятно, в начале XII в. (точные даты неизвестны), Петрило Микулчич — в 1131–34 гг. (погиб в битве с суздальцами в 1135 г.), Коснятин Микулчич — в 1136 г. и повторно в 1146 г. до своей смерти зимой 1147/1148 г.

Графика: 1) *ь* → *ѣ* (двусмысленное *коне* не в счет), в остальном *ѣ* станд.; *ѣ* → *е*; 2) *оу* ~ *оу*, *е*, *и*. Написание *ѡтъ* — компромиссное между древним *отъ* и более новым *ѡ*. *Възалъ* (вместо *възаль*) — ошибка в передаче твердости–мягкости.

Интересно написание *тч* в *атче*. Едва ли это просто ошибка: скорее *тч* передает здесь удвоенную аффрикату. Поскольку *аче*, по-видимому, восходит к **āt-ke* (см. Фасмер, статья *аче*), можно предположить, что одним из вост.-слав. рефлексов праславянского **tke* было *tĉe* (или *čĉe*), сохранявшееся в каких-то говорах относительно долго.

Отметим, что в грамоте нет смещения *ц* и *ч* (реально встретилось только этимологическое *ч*: *поручила*, *хочоу*, *атче*, *ничѣто же*).

Редуцир.: I — *посъли*, *на съводы*, *кѣнагыни*, *кѣнажъ*, *ничѣто же*, *въсадивъ*, *не възаль*; особо: *Пльскове*. Конец слова: ввиду эффекта *ь* → *ѣ* написание *мъ* в сочетании *въ томъ* неинформативно.

Морфология: наддиалектное *-ъ* в *коупиль*, *не възаль*; *-ы* в В. мн. *на съводы*. Отсутствие *-ть* в *е* ‘есть’ — черта, характерная как для др.-новг. диалекта, так и для Юго-Западной Руси; то же верно для окончания *-еви* в Д. ед. *моужеве*. Отметим В. ед. *кѣнажъ моужъ*, а также беспредложный локатив *Пльскове*. Относительно *ничѣто же* в функции Р. падежа см. § 4.6.

Не соответствует показаниям всех прочих новгородских берестяных грамот словоформа *техъ*, с ⟨*ѣ*⟩: в остальных грамотах XI–XII вв. представлено только *тихъ*, *тими*, *тию* (§ 3.26).

О некоторых других чертах, несколько отличающих данную грамоту от обычных новгородских документов (союз *та*, управление *поручитиса по кого*), см. Попр.–VIII. (Но что касается *ныне ка*, которое тоже фигурировало в этом списке, то

частицу *ка* здесь, по-видимому, следует рассматривать как более тесно связанную с императивом *посъли*, чем с наречием *ныне*; а место этого *ка* во фразе определяется законом Вакернагеля, см. § 4.27.)

Таким образом, грамота № 109 не имеет никаких однозначных признаков др.-новг. диалекта; более того, некоторые ее черты (правда, не очень яркие) отличают ее от основной массы новгородских берестяных грамот XI–XII вв. Возможно, ее автор Жизномир был родом из Юго-Западной Руси (предполагать, что сама грамота оттуда и пришла, ее содержание специальных оснований не дает).

Отметим также некоторые явления, не имеющие особой диалектной окраски.

В *а ныне са дружина по ма пороучила* представлен редкий для др.-р. текстов тип согласования со словом *дружина*: сказуемое стоит в единств., а не во множ. числе (§ 4.24). Возможно, определенную роль здесь играет то, что за Жизномира поручились не члены дружины по отдельности, а дружина в целом как единое юридическое лицо.

А нынѣ (или *а нынѣча*) в берестяных грамотах часто значит не ‘а теперь’, а ‘потом’, ‘затем’ или даже ‘так что’ (см. Факкани 1995: 96–97, Лубоцкий, Вермеер 1998: 156–157).

Относительно *яти въ томъ* ‘уличить в этом’, ‘схватить за это’ см. § 4.8.

А 15. Грамота № 238 (стратигр. кон. XI – сер. 10-х гг. XII в., внестратигр. предпocht. первое 20-летие XII в.; Нерев. И)

... | несъдицеви полъ патѣ рѣза[нѣ : а] (мъ)нѣ еси
вѣдале дѣвѣ коунѣ цѣто же за м[з](но)[ю] твориши
[за] мѣною осмь коунѣ и гривна : поиди же вѣ горо
(дѣ) [мо]гоу са съ тобою ати на водоу

Перевод: ‘... [Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город — могу вызваться с тобой на испытание водой’.

Грамота чрезвычайно интересна тем, что содержит угрозу вызова на Божий суд, а именно, на испытание водой. Испытание водой в одних случаях состояло в том, что испытуемый должен был достать голой рукой кольцо со дна сосуда с кипящей водой, в других — в том, что испытуемого, связанного веревкой, бросали в воду (в последнем случае он признавался невиновным, если шел ко дну, и виновным, если оставался на поверхности).

Согласно Русской Правде (ст. 22), *ажсе не боудеть лица, тѣ тогда дати кмоу железозо из нѣволѣ до полузривны золота; аже ли мнѣ, то на водоу, или до двою зривноу; аже мнѣ, то ротѣ ити кмоу по своѣ коуны*, т. е. если иск был не менее полугривны золота, полагалось испытание раскаленным железом, если от полугривны золота до двух гривен (вероятно, серебра) — испытание водой, при еще меньшем иске — рота (клятва). В грамоте № 238 речь идет о гривне и восьми кунах, т. е. по нормам Русской Правды здесь достаточно роты. Автор мог неточно знать нормы закона или, что более вероятно, просто допустил довольно естественное для угрозы преувеличение.

Графика: 1) станд.; 2) *оу, е, и*. В *цѣто ц* переправлено из *н*.